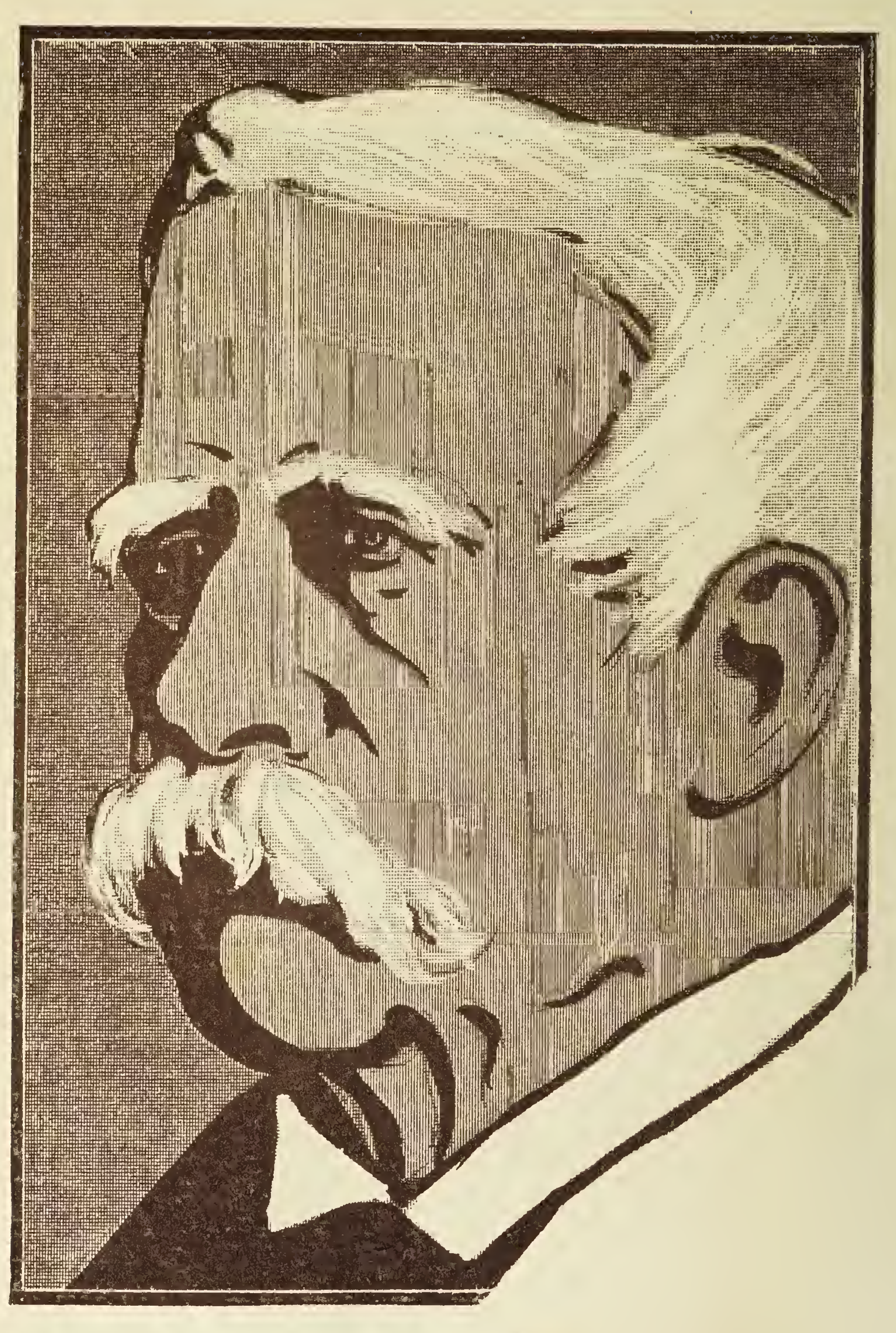
№ 8.
1906 г.

АРГУСЪ

Цѣна
10 к.

Бар. П. Л. Корфъ.

Ничего не подѣлаешь.

Одинъ бюрократъ сказалъ:

— Въ сущности, безпорядки можно прекратить...

— Какимъ же образомъ?

— Надо только немножко пооcлабить узду—вотъ и все!

— И ввести народное представительство?

— Ну, нѣтъ! До этого еще слишкомъ далеко! Можно только его пообѣщать и довольно... Народъ вполнѣ успокоится на тѣхъ нѣкоторыхъ свобододѣйствіяхъ, которыя ему можно предоставить въ извѣстныхъ размѣрахъ... Получить нѣкоторыя свобододѣйствія и то уже для русскаго народа очень много значитъ! Онъ никогда этого не имѣлъ, онъ такъ обрадуется, что вполнѣ будетъ доволенъ и безъ народнаго представительства...

— Слова бюрократа произвели свое дѣйствіе и ему было предоставлено дѣйствовать по его усмотрѣнію.

— Бюрократъ тамъ и тутъ ввелъ извѣстныя свободы и ждалъ полнаго успокоенія народа. Но, увы! ожиданія его не оправдались и успокоеніе не наступало.

Бился-бился бюрократъ, наконецъ, махнулъ въ безнадежности рукой и сказалъ:

— Нѣтъ, я вижу, что ошибался! Маленькими свободами ничего не подѣлаешь! Все дѣло можетъ исправить только народное представительство!

Но тутъ вмѣшался другой бюрократъ и энергично замѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, позвольте! Все это чепуха-съ! Никакого народнаго представительства вовсе не надо! А, что если волненія и безпорядки не прекращаются, такъ это потому именно и происходитъ, что вы не тѣ мѣры приняли! Тутъ надо-съ не свободу давать, а въ бараній рогъ всѣхъ гнуть! Для русскаго народа только и есть одно дѣйствительное для успокоенія средство — ежевыя рукавицы! Возьмите его въ ежевыя рукавицы, сожмите покрѣпче и онъ не только успокоится, но даже и о народномъ представительствѣ забудетъ!

Слова этого стараго бюрократа тоже произвели свое дѣйствіе и ему было поручено всецѣло заняться успокоеніемъ народа рекомендованными имъ средствами.

И второй бюрократъ энергично принялся за дѣло, да такъ принялся, что только, какъ говорится, „клочья полетѣли".

А между тѣмъ, успокоенія нѣтъ, какъ нѣтъ; безпорядки все сильнѣе и сильнѣе.

Бился-бился второй бюрократъ, наконецъ, плюнулъ и говоритъ:

— Нѣтъ, видно, ничего не подѣлаешь! Надо будетъ народное представительство ввести!

Свифтъ.

Уличные разговоры.

— Долго вы сидѣли?

— Три мѣсяца и пять дней... А вы?

— Всего пять недѣль, но навѣрно опять придется сидѣть. А слыхали, Противниковъ... того...

— Да, знаю! Сидитъ...

— Остроязыковъ тоже лишенъ свободы...

— Но, кажется, Правдивинъ того... освобожденъ.

— Былъ недѣлю тому назадъ, но, кажется, не надолго... А правда, что Крапивинъ...

— Какъ-же, какъ-же и вмѣстѣ съ женой! Вотъ уже съ полгода...

— До свиданья! Нѣтъ, пожалуй, прощайте! Я предчувствую, что попаду въ „Кресты".

Да и мнѣ, пожалуй, не миновать „Предварилки", такія ужъ времена! Прощайте товарищъ!

НА БАЗАРѢ.

— Какъ, фунтъ мяса, да еще плохого, 25 коп.?

— Что же, вы думаете, что корова это человѣкъ? Если бы столько было убито скота, сколько людей за послѣднее время, то, конечно, мясо было бы много дешевле!

— Ну, кажется, я опять попалъ въ свое прежнее положеніе!!

Женская логика.

— Не понимаю Женичка, за что ты на меня сердишься?

— Да какъ же не сердиться! По твоей милости я безъ весенняго туалета! Если бы ты былъ умный человѣкъ, то не торчалъ бы здѣсь, а давно былъ бы въ Парижѣ. Шутка сказать, твои товарищи по перу шутя положили въ карманъ семь милліоновъ франковъ за то только, что въ печати пропагандировали идею нашего послѣдняго внѣшняго займа.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

— Смотрите! Какой счастливецъ этотъ Буржуевъ!

— Почему счастливецъ?

— А развѣ нѣтъ? Ни разу не сидѣлъ въ тюрьмѣ, хотя и слѣдовало бы и вдобавокъ—умеръ на прошлой недѣлѣ своей смертью и на собственной кровати!

По телеграфу.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Г. Пропойскъ. 2-го апрѣля, вечеромъ. День прошелъ благополучно. По случаю 1-го дня св. Пасхи, власти бездѣйствовали. Погрома, а равно и новыхъ арестовъ не было. Завтра благотворительнымъ об-вомъ пропойскихъ дамъ устраивается вечеръ-монстръ въ пользу голодающихъ.

4-го апрѣля, утромъ. Вечеръ-монстръ прошель благополучно. Въ числѣ прочихъ гостей присутствовали всѣ представители мѣстной администраціи. Благодаря образцово устроенному буфету, гостей въ безчувственномъ состояніи развозили по домамъ на казенныя средства.

5-го апрѣля. Оргія продолжается. Брандтмейстеръ съ исправникомъ, подъ пьяную руку, обмѣнялись женами. Мирные обыватели забили тревогу: опасаются осложненій съ собственными женами. Настоятель мѣстнаго собора сказалъ прочувствованное слово о всеобщемъ растлѣніи нравовъ. Молящіеся проняты были до слезъ, но, несмотря на это, все обошлось благополучно. Погрома не послѣдовало.

6-го апрѣля. Сегодня тоже погрома не замѣчалось. Начальство продолжаетъ пить горькую.

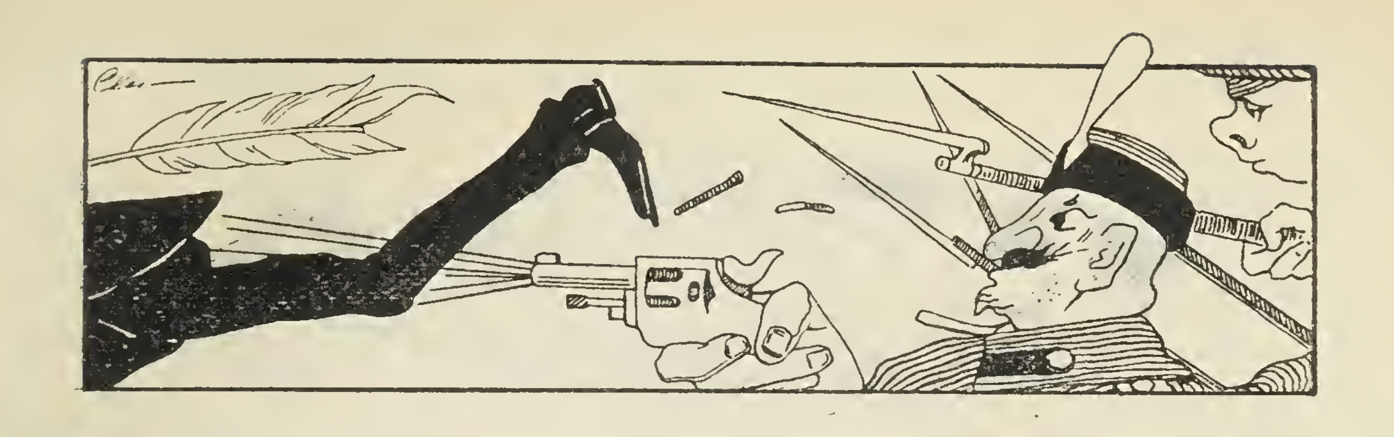
7-го апрѣля. Положеніе безъ перемѣнъ.

9-го апрѣля. Начальство опохмѣляется.

10-го апрѣля. Начальство протрезвилось окончательно. Среди обывателей паника.

12-го апрѣля. Опасенія обывателей, ожидавшихъ, что за полосой продолжительнаго бездѣйствія наступитъ періодъ кипучей дѣятельности, сбылись только наполовину. Арестовано 27 человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ ниспроверженіи существующаго строя. Ожидается арестъ еще 270 ч., пока еще ни въ чемъ не подозрѣваемыхъ. Изъ прежде арестованныхъ освобожденъ одинъ. Погрома не было. Военное положеніе также не объявлялось.

14-го апрѣля. Жизнь вошла въ свою колею. Еврейское населеніе города приподноситъ предсѣдательницѣ благотворительнаго об-ва пропойскихъ дамъ благодарственный адресъ.

Дума о займѣ.

Что такое означаетъ,
Если Витте плохо спится? —
Все копошится, вздыхаетъ,
Чертыхается, бранится...

Это, вотъ что означаетъ:
Смыслъ двоякій въ этомъ шумѣ —
Либо клопъ его кусаетъ,
Либо грезитъ онъ о Думѣ.
Если клопъ, то графъ, безспорно,
Камердинеровъ разбудитъ;
Изловивъ клопа проворно,
Снова спать спокойно будетъ...
Если-жъ Дума... то и въ бромѣ
Нѣтъ ему отъ думъ спасенья!
И лишь съ думой о заемѣ
Снизойдетъ къ нему забвенье...

Алu.

Слухи.

По утру,—уходитъ Витте,
Полдень,—Витте, Дурново,
Вечеръ,—вздоръ вы говорите
И не слышно ничего!

Свобода собраній.

Къ подъѣзду зданія, гдѣ назначено собраніе какого-то союза, являются приглашенные.

Полицейскій заявляетъ, что собраніе не разрѣшено.

— Какъ не разрѣшено? Почему не разрѣшено? Вѣдь, нынче свобода собраній...

— Свобода существуетъ только для такихъ собраній, на которыя никто не собирается! острить полицейскій.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ,

Сельскій учитель говоритъ со становымъ на постояломъ дворѣ, при встрѣчѣ, во время путешествія.

— Вы, господинъ приставъ, все еще думаете, что Россія находится въ дореформенномъ состояніи... Вы совершенно не признаете освободительнаго движенія!

— Очень даже признаю...

— Но какъ вы его понимаете?

— А такъ-съ, что вотъ сброшу съ себя мундиръ, да засучу рукава—это значитъ я освободился, а какъ начну по мордасамъ кулаками лупить, это будетъ движеніе!

Около полицейскихъ.

(По улицѣ идутъ двое городовыхъ съ ружьями со штыками; къ нимъ обращается старуха).

— Почему это вы, господинъ городовой, нонѣ съ ружьями ходите?

— А штобы больше острастки было! Народъ-то нонѣ какой пошелъ: совсѣмъ перестали полицію бояться!

(Двое городовыхъ; у одного необыкновенно свирѣпая физіономія).

— Кабы я водки не пилъ, да грамоты побольше зналъ, такъ меня давно бы въ помощники пристава произвели...

— Ой-ли? За что-же!

— За мою физіономію! Такой грозной физіономіи, какъ моя, ни у одного околодочнаго нѣтъ! Пристава и тѣ моей физіономіи завидуютъ! Стоитъ мнѣ, напримѣръ, хоть только взглянуть, такъ даже собаки сейчасъ хвосты поджимаютъ и въ подворотню бросаются!

(Передъ приставомъ стоитъ на вытяжку городовой).

— Безпремѣнно, ваше благородіе, пушку-бы надо; чтобы, значитъ, стоять на посту, а около тебя-бы пушка...

— Выдумай еще: пушку! На что?

— Помилуйте, ваше благородіе; сами изволили говорить, что у насъ, въ городѣ, „безпокойные элементы“ появились... То были только интеллигенты и студенты, а теперь еще и элементы... Безъ пушки никакъ невозможно!

(Низенькій и очень толстый городовой дѣлаетъ честь передъ высокимъ худымъ приставомъ).

— Отчего ты все толстѣешь, Кирпичукъ?

— Отъ службы, ваше благородіе! Очень ужъ наша полицейская служба безпокойная... Цѣлый то день на улицѣ кричишь-кричишь.... волнуешься-волнуешься; а отъ этого, дѣло извѣстное, печенка пухнетъ; вотъ она то тебя и распираетъ...

(Городовой на кухнѣ точитъ на брускѣ шашку; около стоитъ другой жилецъ).

— Да што ты, Миронычъ, каждый день свою шашку точишь? Точишь-точишь, а никого еще не зарубилъ...

— Можетъ, потому и не зарубилъ, што каждый день точу... Какъ теперь непріятелю извѣстно, што у меня шашка острая, онъ и боится на меня нападать!

(Городовой въ рубахѣ за обѣдомъ: на столѣ—револьверъ; женщина вошла съ чашкой и остановилась).

— Господи, опять ты на столъ свой левольверъ положилъ... Самъ обѣдаешь, а левольверъ на столѣ... Знаешь, что я боюсь!

— Вотъ, вотъ... Для того и кладу, чтобы ты отучилась бояться! А то развѣ возможно: жена городового, а на левольверъ смотрѣть безъ страху не можешь!.. Я еще тебя учить стрѣлять изъ него буду...

Каэмъ.

Въ тщетныхъ поискахъ.

Крестьянинъ, заѣхавшій въ столицу по крестьянскимъ дѣламъ, обращается къ дворнику.

— Скажи-ка милый человѣкъ, куда мнѣ обратиться, чтобы найти выходъ изъ нашего крестьянскаго положенія?

— Гм, выходъ? Выходовъ то у насъ, братъ, мало, про нихъ что то не слышно; у насъ есть только входы: черезъ участокъ, въ Предварилку, въ Кресты, въ Петропавловку....

НЕДѢЛЯ АРГУСА.

Азартныя игры въ клубахъ замѣнены игрою въ „носки“.

Признаки весны особенно замѣтны въ городскихъ ломбардахъ.

Бюрократъ наканунѣ открытія Государственной Думы.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТІИ „ПРАВОЙ“.
(Съ натуры).

Успокоилъ.

Бюрократъ-рутинеръ говоритъ, по поводу займа, съ либераломъ.

— Старый режимъ долженъ былъ сдѣлать заемъ самъ, чтобы расплатиться за свои старые грѣхи и передать новому режиму бразды правленія на новыхъ началахъ...

— Позвольте, но вѣдь расплачиваться-то за этотъ заемъ придется новому режиму...

— Это уже пустяки! Расплачиваться гораздо легче, чѣмъ занимать...

Резонно.

— Съ завтрашняго дня я не буду больше у васъ обѣдать.

— Почему?

— Очень дорого.

— Какъ? 25 копѣекъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ—это дорого?

— Конечно дорого, найду дешевле.

— Пожалуй — въ Крестахъ или въ Предварилкѣ.

Предположеніе.

Мамаша говоритъ дочери.

— Я не думаю, моя милая, чтобы Резинкинъ ухаживалъ за тобою съ мыслями о законнэмъ бракѣ!

— Почему-же нѣтъ?

— Потому, что мы живемъ въ городѣ гдѣ всѣмъ распоряжается такой свирѣпый генералъ: тутъ все внѣ закона!

НОВАЯ ЗАБАСТОВКА.

— Опять всеобщая забастовка!

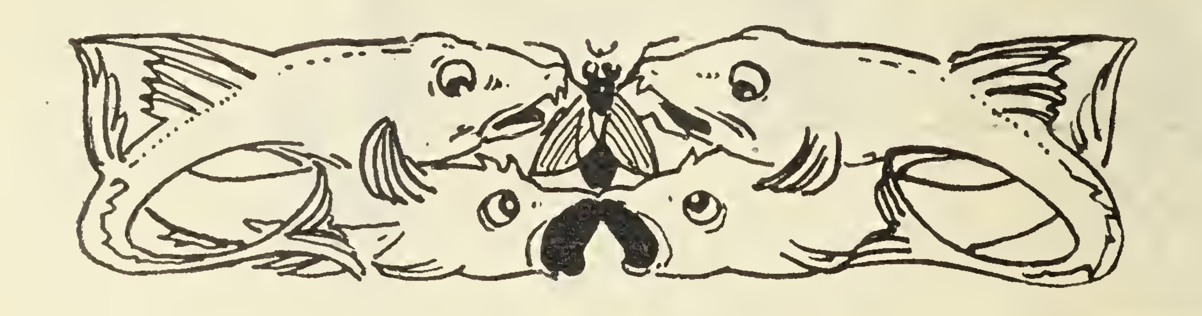
— Гдѣ? Когда? Ничего вѣдь не слышно!

— А какже, развѣ вы не видите? Забастовала природа. Уже половина апрѣля, а вся растительность бастуетъ!

ВЪ КОНТОРѢ.

— О чемъ вы все думаете Файнбубе, что съ вами?

— Пожалуйста выражайтесь повѣжливѣе, я именно принадлежу къ противникамъ думы и не думаю ни о чемъ!!..

Недалеко уѣхали на этомъ конѣ поклонники стараго права и порядка!!

БОМБЫ.

— Мой другъ, не приноси мнѣ больше, прошу тебя, шеколадныхъ бомбъ.

— Почему это? Вѣдь ты ихъ ужасно любишь?

— Такъ то такъ, но случайно можетъ быть обыскъ и тогда бѣда будетъ, если ихъ найдутъ!

Кое-что.

— Ну, теперь значитъ нашего полицейскаго не прошибешь.

— Почему?

— А читали, они облачаются въ панцыри.

— Э, батенька, да когда же наши полицейскія были „прошибаемы!“

— Почему это нынче поэты перестали писать гекзаметромъ?

— Да, вѣроятно, потому, что въ наше практическое время и поэты стали практичнѣе. Кому охота за верстовую строку получать двугривенный!

Признакъ прогресса.

Разговоръ двухъ лицъ на политическія темы и въ особенности о прогрессѣ.

— Вы говорите, что мы не прогрессируемъ! Жестоко ошибаетесь, батенька! Вы совсѣмъ не замѣчаете явныхъ и крупныхъ признаковъ прогресса...

— Но въ чемъ же, однако, эти признаки?

— А вы посмотрите, насколько нынче увеличилось количество полиціи? Развѣ прежде столько было ея?

Въ школѣ.

— Какъ называется тотъ, который всѣхъ побѣждаетъ и не боится чего?

(Молчаніе).

— Ну, кто можетъ отвѣтить? Слово начинается съ буквы Б.

— Браунингъ!! г. учитель—хоромъ отвѣтили всѣ ученики.

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ.

— Послушай Сержъ, почему бы тебѣ не поступить въ эту, какъ ее... Думу?

— Э, е, неудобно знаешь, тамъ всякое мужичье будетъ...

ПУСТЯЧКИ.

Всѣ тамъ будемъ, сказалъ нѣкій редакторъ, проходя мимо „Крестовъ“.

Если хочешь свободы,—готовься къ тюрьмѣ.

Основательная причина.

— Знаешь что дядя Митяй, я вовсе не хотѣлъ бы быть премьеръ-министромъ.

— Почему же? Это такая великолѣпная должность!

— Да, но у премьеръ-министра въ головѣ слишкомъ много своихъ собственныхъ интересовъ!

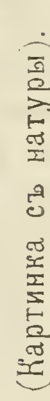

Основательная боязнь.

— Что вы дѣлаете, Иванъ Петровичъ, вѣдь кто-нибудь насъ можетъ увидѣть.

— Но кто же увидитъ, когда сзади насъ стѣна, а впереди вода?

— Жестоко ошибаетесь: въ наше реакціонное время отъ глазъ сыщика ничто не спасетъ!!

Значительная комиссія, уплачиваемая посредникамъ за содѣйствіе въ размѣщеніи послѣдняго внѣшняго русскаго займа, всполошила банкировъ всѣхъ частей свѣта.

(Картинка съ натуры).

Тоже преимущество.

Двое освобожденныхъ отъ долгаго ареста говорятъ о своемъ сидѣніи.

— Ты за кѣмъ числился подъ арестомъ: за прокуроромъ или за охраннымъ отдѣленіемъ?

— За охраннымъ...

— Это гораздо лучше! Кто числится за охраннымъ, тотъ къ прокурору не попопадетъ; а кто числится за прокуроромъ, то даже освобожденный, можетъ быть оставленъ подъ арестомъ за охраннымъ отдѣленіемъ...

ИЗЪ ВЕСЕННИХЪ НАСТРОЕНІЙ.

Славный день! На небѣ чистомъ
Солнце въ пеплѣ золотомъ
Улыбается лучисто...
Какъ лицо премьеръ-министра,
Заключившаго заемъ!
Въ безднѣ синей—птичекъ стая
Звонко трели разсыпаетъ.
Ручеекъ бѣжитъ играетъ...
Какъ валюта золотая
Заграницу утекая!

Къ исчезновенію.

Повсюду звонъ,
Печальный тонъ:
Какъ дымъ, какъ сонъ
Исчезъ Гапонъ.
О, гдѣ же онъ, о живъ ли онъ?
О, слейся звонъ
Въ единый тонъ!
Воскреснетъ онъ, воскреснетъ онъ!

Ф. Куликъ.

По привычкѣ.

— Почему вы сегодня на раутѣ безъ жены? Развѣ супруга ваша больна?

— Какъ-бы вамъ сказать—и больна—и не больна—она въ положеніи... военномъ!!

СТРАННАЯ МЫСЛЬ.

Алкоголикъ думаетъ:

— Удивительно! Говорятъ, что одно яйцо и одна рюмка водки подкрѣпляютъ силы. Я же съѣлъ два яйца и выпилъ десять рюмокъ водки, а едва стою на ногахъ!

КУЗНЕЦЪ ГРАЖДАНИНЪ.

(Въ альбомъ).

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ;
Все, что есть честнаго, „законопачивалъ“,
Цѣпи свободѣ ковалъ.

Въ чемъ погрѣшу, иль безвиннаго сцапаю—
Думалъ—сойдетъ, не бѣда!
Гдѣ не коснулся ты грязною лапою?
Гдѣ не оставилъ слѣда?

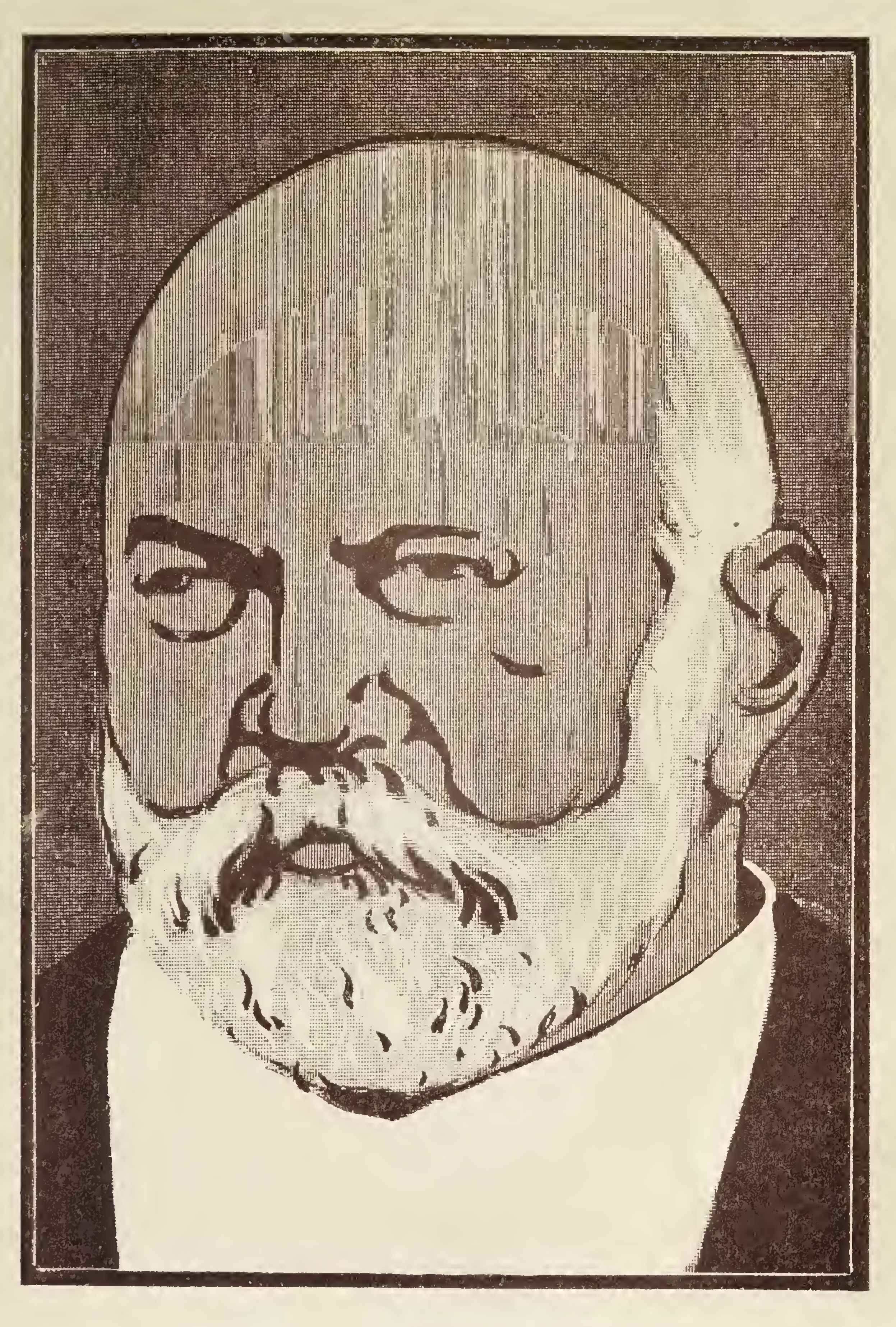
Съ кѣмъ ты дѣлился тюремною новостью
Тотъ тебя только пойметъ.
Бди же какъ прежде, далекій отъ совѣсти
Бди же, могильщикъ свободъ!

Можно безнаказанно:

Вѣшать пальто.
Колоть сахаръ.
Убивать мухъ.
Разбивать пирамиду.
Рубить ледъ.
Бить карту.

Редакторъ-Издатель Кандидатъ правъ *С. А. Чиколини.*

Печатано въ типографіи С. А. Чиколини. С.-Петербургъ, Фонтанка 68.

М. Ф. Федоровъ.

— Къ какой партіи принадлежите вы графъ? Навѣрное къ народнымъ демократамъ? да?

— О! нѣтъ! Я международный аристократъ. Всѣ эти ваши новыя партіи не для титулованныхъ людей!!..